

НАЗВАНИЕ РУБРИКИ

Искусство и политика глазами участниц выставки «Осторожно, религия»

Анна Альчук

14 января в Музее им. Андрея Сахарова открылась выставка «Осторожно, религия» (куратор – Арутюн Зулумян), в которой участвовало около сорока художников из России, США, Японии, Кубы, Армении и Грузии. Некоторые из участников хорошо известны в России и за рубежом. 18 января выставка была разгромлена шестью хулиганами, которые пришли под видом посетителей, когда в зале музея никого не было, и с завидной скоростью замазали картины краской из заранее приготовленных балончиков, разорвали и растоптали почти все работы художников. При этом они успели написать на стенах: «гады», «мразь», «вы – бесы», «вы ненавидите православие» и т.д. Интересно, что испорченными оказались все изображения Христа или Божьей матери в то время как языческие символы не пострадали вовсе.

Вслед за этим последовало множество оскорбительных для художников статей (справедливости ради надо сказать и о большом количестве статей, погром осудивших), решение Думы разобраться с организаторами выставки, открытие уголовного дела против ее участников. Были даже сделаны попытки героизации шести молодчиков, отеснивших единственную присутствующую на тот момент смотрительницу музея (в телевизионной программе и журнале «Русский дом» (№3, 2003), настоятель храма Святителя Николая в Пыжах протоиерей Александр Шаргунов с гордостью признался, что был инициатором этого погрома). Немало нашлось людей, решивших в преддверии выборов с помощью дешевой националистической демагогии заработать себе политический капитал на этом событии, причем, делалось это от имени народа и всех православных верующих. В интернете появилось поразительное по неадекватности и взвинченному тону «Обращение деятелей науки и культуры в связи с организацией кощунственной выставки в Центре Сахарова». Явно не видевшие выставку, приписывающие работы не тем авторам, такие подписанты, как Валентин Распутин, Никита Михалков, Игорь Шафаревич, Василий Белов, Николай Бурляев, Илья Глазунов, Вячеслав Клыков, Михаил Назаров и Лина Мкртчян, – писали, что выставку «Осторожно, религия» «нельзя сравнить даже

с коммунистическими аналогами: тогдашние безбожники были одурачены и думали, что Бога нет. А здесь сознательный сатанизм, новый его этап» (www.portal-credo.ru). Здесь оскорбительным для художников является обвинение в сатанизме и странная забывчивость подписавшихся, которые фактически утверждают, что высылка священников в концлагеря, их расстрел, невозможность для их детей получить высшее образование, практиковавшиеся большевиками, ничто по сравнению с несколькими работами, выставленными в Сахаровском центре. Концовка этого письма также вызывает недоумение: «Это событие как бы бьет в набат. Оно должно стать последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. Необходимо мобилизовать все силы, способные оценить, какого масштаба национальная катастрофа происходит на наших глазах. Иначе – конец. Иначе – предательство России, Православия, Христа, за которое не может нам быть прощения». Хочется спросить господ-подписантов, как же они представляют себе современное искусство? Неужели воздействие выставки может быть столь разрушительным, что под ее давлением может обрушиться Россия и Православие? Неужели Россия настолько слаба, а православие настолько не укоренено, что могут рухнуть под влиянием нескольких фотографий и инсталляций?» (1).

Симптоматично, что в развернувшейся полемике мало кто поинтересовался мнением самих художниц/ков. Несколько записанных с ними телевизионных и устных интервью так и не были показаны или опубликованы. Нам заткнули рот, и я благодарна редакторам журнала «Гендерные исследования» за возможность высказаться по этому поводу участницам выставки. Я также принадлежу к их числу, поэтому постараюсь добавить к ним и свои комментарии.

Художница Татьяна Антошина

Выставка «Осторожно, религия», состоявшаяся в январе в музее имени Андрея Сахарова, не вызвала бы у меня никакого чувства, если бы не события, последовавшие вскоре. Началось с известия о разгроме выставки, которое я получила в Нью-Йорке как раз после интервью американскому телевидению, в котором уверяла, что в отношении внутренней свободы человека ситуация в России стремительно меняется, и мы ничем не отличаемся от наших коллег, нью-йоркских художников. Пожалуй, я погорячилась. В Москве произошло нечто, напоминающее дурной сон или бред сумасшедшего: разгром выставки и вслед за этим вызовы в прокуратуру по делу об оскорблении чувств верующих и разжигании межнациональной розни!

Я не врывалась в храмы, не топтала иконы, не заливала их краской!

Потом последовали многочисленные газетные статьи, в которых меня и моих коллег-художников называли «злбными уродцами», «мелкими пакостниками» (впрочем, было немало статей и в нашу защиту). Хочу я этого или нет, но подобная яростная реакция общественности заставляет меня высказаться по поводу выставки.

Не скрою, получив приглашение в ней участвовать, я первоначально хотела отказаться: современное искусство по природе иронично и провокационно, а постсоветское общество чрезвычайно догматично. Каким может быть диалог и контекст этой выставки?

Однако тема отношения светского и духовного в Российской культуре, безусловно, актуальна. Такой диалог необходим обществу хотя бы уже для того, чтобы пережить, наконец, сильнейший шок и травму, связанную с революцией 1917 года, массовым убийством священников, уничтожением икон, разрушением храмов. В то же время, разговор о месте Бога в жизни современного человека мог стать чрезвычайно интересным и важным.

Мне представлялось, что на выставке будут работы, связанные с современной наукой, виртуальным миром, клонированием (такая работа, действительно была, и, на мой взгляд, замечательная – художницы Ирины Вальдрон). Еще с советских времен меня неизменно удручал странный консерватизм нашей культуры, она как будто бы навсегда застыла в прошлом: скульптура обязательно должна быть реалистичной, литература наподобие литературы 19-го века, живопись – передвижнической. Что уж горить о религии! Походы в церковь (для многих) похожи на театральные действия: слишком много пафоса и мало истинного чувства, связи с реальностью. Актуальное искусство с его провокативностью способно вызвать дискуссию, помочь современному человеку самоидентифицироваться в качестве человека верующего, но сегодня и сейчас, а не в некоем воображаемом мире.

Честно говоря, я сама никогда прежде не занималась этой темой и не имела времени приготовить что-нибудь специально к выставке. Я сообщила куратору, что могу выставить пустой оклад от иконы Спаса Нерукотворного (сама икона была уничтожена в гражданскую войну, а оклад хранился в доме моего мужа). Конечно же, пустота вместо иконы – не только свидетельство нашей бурной истории, но и попытка вступить в диалог со зрителем, которому давалась возможность мысленно нарисовать недостающий Божественный образ. То, что с лозунгом «Осторожно, религия!» большевики разрушали храмы, я узнала позднее.

И оклад, к сожалению, оказался и вправду злополучным, потому что современные господа погромщики тоже не устояли и сказали свое веское слово (хотя и жестами), сбросив оклад на пол и растоптав ногами – им удалось-таки завершить дело отцов-революционеров, уничтоживших икону.

Каков бы не был художественный уровень выставки, она обнаружила неожиданные для многих из нас реалии. Возникло ощущение, что народ (во главе с православной церковью) только и ждал повода, чтобы уничтожить, стереть с лица земли непонятное и ненавистное ему современное искусство, а заодно самих художников.

Высказывания некоторых авторов газетных статей также поразительны. Чего стоит, например, комментарий кандидата искусствоведения (!) Капиталины Кокшеневой в «Литературной газете» по поводу разгрома выставки: «...я считаю совершенно естественной реакцию посетителей..., которые ИСПОРТИЛИ (!) ее экспонаты...». Судя по тону статьи, госпожа Кокшенева и сама была бы не прочь принять участие в подобной акции. Остается только удивляться, как мало наши искусствоведы любят искусство, до какой степени не способны к толерантности по отношению к другому, новому. Следуя этой логике, почтальон волен сжигать не понравившиеся ему письма, врач – убивать строптивых больных. Что же касается «естественной» реакции посетителей... зрители, как правило, не ходят на выставки группами по 6 человек, вооружившись аэрозольными баллончиками. Их расторопность достойна восхищения: свидетели сообщают, что залить экспонаты выставки краской, написать на них «гады», «бесы» и т.п., сломать и растоптать произведения удалось всего за 5 минут.

Мне бы не хотелось давать оценку действиям отцов церкви, бывших для меня как верующего человека априори беспрекословными авторитетами, но своим поощрением хулиганов и погромщиков они потрясли меня до глубины души. Откуда такая ярость? Разве мы находимся в состоянии войны, и православие в России подвергается опасности? Если церкви что-либо и грозит, то нежелание изменяться адекватно времени, а также отсутствие терпимости и любви.

Художники никогда не были врагами церкви и, конечно же, не собирались с ней бороться. Мы лишь оставляем за собой право на свободу высказывания вне зависимости от политической системы и идеологии, существующей в обществе на сегодняшний день.

Елена Елагина: художница, председатель правления фонда «Художественные проекты»

«Осторожно, религия» – в наше время эти слова приобрели угрожающий смысл. Оказывается, как и в «славные» прежние времена затрагивание и попытка осмысления некоторых тем, в частности религиозных, в категориях искусства опасно для свободы и даже жизни художника. Обыски и изъятия, вызовы в прокуратуру, угрозы расправы – такой знакомый набор... Одно время казалось, что мы навсегда распрощались со средневековым способом мышления. Но действительность свидетельствует о противоположном.

Наталья Каменецкая: художница

Выставка «Осторожно, религия» готовилась, кажется, несколько месяцев, писалась концепция. И хотя, на мой взгляд, это было в некотором роде не совсем организованное, отчасти стихийное мероприятие, интеллектуально непродуманная, идеологически и эстетически не выдержанная акция, она оказалась, к сожалению, провидческой.

То ли название «Осторожно, религия» оказалось провидческим, то ли именно благодаря своей «случайности» в купе со стечением неслучайных обстоятельств эта небольшая и в меру элитарная выставка неожиданно не прошла незамеченной для общественности. Напротив, она оказалась скандальной – наделала много шума, была разгромлена хулиганами, получила большую враждебную прессу с именитыми подписантами, обсуждалась в Государственной Думе. Кроме того, стало ясно, что народ жаждет крови «зарвавшейся» интеллигенции и художников: по выставке заведено уже два, а то и три уголовных дела. Как в не столь отдаленные 1937-й и 1970-е, художники ждут, что «за ними придут», хотя и не вполне понимают, за что. Наверняка этот список последствий трех дней работы выставки «Осторожно, религия» неполный.

В свете сложившейся ситуации не приходится уже говорить об этой выставке как об явлении незначительном. Напротив, вызванная выставкой реакция – социальный симптом, очень значимый и тревожный. Выставка оказалась вроде лакмусовой бумажки реального состояния общества, мерой наших действительных, а не прописанных в Конституции гражданских свобод. Возможно, пора говорить об открывающейся «охоте на ведьм», о поисках врагов народа, о введении цензуры на любые проявления творчества, не являющегося придворным и не говорить о демократии.

Ведь что происходит – идет война, много лет льется кровь невинных людей, гибнет молодежь вместе с поколениями, которые уже не появятся на свет; делаются деньги и политика, плетутся интриги, не за горами выборы и в Думу, и в Синод; набираются сторонники и их голоса; на экранах и в печати прославляется насилие; нищенские пенсии не позволяют старикам достойно умирать, не говоря уже о том, чтобы достойно жить. А народ и «деятели культуры и науки» на сей счет давно безмолвствуют – «переводят стрелки» на выставку «Осторожно, религия».

Тема выставки не была конкретной, не относилась к какой-либо определенной религии. Боже упаси! Выставка не стремилась уязвить сакральные сферы, а уж тем более погубить отечество. Скорее некоторые работы, возбудившие погромщиков, содержали критику и размышления о властных и коммерческих аспектах деятельности религиозных институций. Так, особую ярость навлекли на себя произведения, метафорически говорящие о торговле в Храме, об «омаскулировании» религиозных символов и образов, о праве на выбор. К чему бы это..?

Марина Г.М. Любаскина-S.: художница

Россия чужая.

Я – русская.

Россия-Родина-Мать не защищает. Грустно.

О политическом здравии страны говорить трудно и больно. Здравия мало.

Вам нравится эта особая порода людей – охранники, выполняющие универсальные функции?

Они нужны. Легче не становится. Они – это симптомы, подтверждающие серьезность диагноза.

Человек вынужден охранять себя от человека. Страшно.

Кровь. Не сразу видимая, но очень стабильная война в обществе, на которой ежедневно человек убивает человека.

Это реальность.

Сверху донизу одно и то же.

«Рыба гниет»...

А кому вообще нужен художник?

Оказалось – нужен.

Выставка «Осторожно, религия», не обещавшая быть громкой, — разгромлена.

Значит это кому-нибудь нужно, если с моей работы исчезли четыре звезды (или даже пять).

Да ну их, эти звезды.

Но все-таки хочется свободы искусства.

Я все-таки за свободу искусства!

Не убивайте постмодерниста (2).

Не жаждите крови постмодерниста.

А что, если начать со свободы мысли?

Это ведь можно позволить себе даже в России, если, конечно, захотеть.

Марина Обухова: художница, генеральный директор дизайн-лаборатории

НЕВРОЗ как диагноз

«Две вещи беспредельны – Вселенная и человеческая глупость, но я еще не совсем уверен относительно Вселенной».

Альберт Эйнштейн

В полпервого ночи раздался телефонный звонок. Берлинский приятель встревоженно шутил, спрашивая, где я намерена провести свой отпуск: на Со-

ловках или в лагере «труда без отдыха», Гулаге? До Берлина дошли слухи о разгроме выставки «Осторожно, религия», в которой я вместе с другими московскими и зарубежными художниками приняла участие. Нет сил описывать события, происходившие с художниками после погрома: бесконечные допросы следователей, пресс-конференция, предпринятая центром «Сахарова» с целью успокоить разъяренных представителей православной конфессии, многие из которых разгневались, не видя предмета своего гнева, основывая своё осуждение (см. заповеди) исключительно на вольной трактовке названия выставки.

То, что акция разгрома заказная, сомнений не возникло ни у кого.

Вскоре после памятного дня, я имела деловую телефонную беседу с депутатом Госдумы, из которой я узнала о факте подачи к рассмотрению проекта закона о разделении Государственной власти на светскую и духовную со стороны лидеров Православной конфессии.

Здравствуй дремучее средневековье!

Вся абсурдность данной ситуации в обществе, претендующем называться «демократическим», наводит на мысль о тотальном социальном неврозе.

Невроз не просто болезнь, от него – больно всем.

Для меня разгром выставки и реакция на это явились событиями в высшей степени отрезвляющими. Я как бы проснулась от сна, в котором видела себя живущей пусть еще в не совсем демократической стране, но все же стремящейся к построению именно этого типа общества (терпимого по отношению к различным мировоззрениям и конфессиям) и поняла, что моя ориентация на ценности современного искусства, с точки зрения которых выставка «Осторожно, религия» ни в коей мере не являлась ни провокативной, ни радикальной, разделяется очень узким сообществом, окруженным агрессивными людьми, стремящимися разрешить свои собственные проблемы за счет травли Другого. Об этом немало и достаточно убедительно написано другими участниками выставки.

Другим важным событием в связи с этой выставкой было то, что я лишилась иллюзий относительно артсообщества. В контексте нынешней художественной жизни Москвы выставка «Осторожно, религия» не была ни хорошей, ни плохой. Ее, скорее, можно было бы назвать проходной, потому что подобных непринципиальных коллективных экспозиций в сегодняшней Москве организуется десятки. Собственно говоря, более-менее известные художники ее так и воспринимали, то есть как одну из множества других выставок, в которых участвуют для списка. Однако после погрома и начала травли некоторые критики и представители артинституций стали говорить, что не выступают в защиту художников, т.к. выставка была

не хороша; хотя всем, конечно же, было понятно, что теперь уже речь шла не о качестве выставки, а об организованном наступлении на территорию современного искусства, об указании на то, что и эта область отныне контролируется церковью и теми, кто прикрывает ею свои собственные властные амбиции. Художники поняли, что ни о какой спонтанности подобной акции не может быть и речи, у многих это вызвало испуг. Собственно говоря, ничего постыдного в этом нет. Все мы наследники сталинской эпохи, и определенные знаки, подаваемые властью с целью устрашения, понимаются нами на уровне первичных инстинктов. Важно, транслируется ли этот страх в публичной сфере или человек ведет себя более или менее достойно. И здесь мне приятно отметить тот несомненный факт, что в целом участвовавшие в выставке женщины вели себя более спокойно и сдержанно, чем мужчины(3). Во время публичного обсуждения в Московском государственном центре современного искусства они не стали, подобно некоторым художникам, впадать в истерику и кричать, что их обманули, заманили, что виноват тот или этот, а они вовсе ни при чем. Неприятно удивило, что один из известных художников (кстати сказать, действительно, никакого отношения к выставке не имевший) стал источником информации, происхождение которой легко прочитывается, информации, имеющей целью нас запугать. От нее так и веяло 1937 годом: «Велено было передать, чтобы мы помалкивали, не протестовали, ведь у всех нас есть семьи...». Лишь у двух художниц нашлось мужество вместе с Сахаровским центром подать в суд на промощников, в то время как испорчены были почти все работы.

В связи с описанными событиями у меня остается несколько вопросов:

Как долго нашим политикам удастся переключать недовольство людей, вызванное ростом цен, снижением уровня жизни большей части населения, убийством людей в Чечне, на события, вроде описанной выставки?

Удастся ли властям навязать устраивающую их степень единомыслия?

И сакраментальное: до какой степени способна «прогибаться» наша интеллигенция под влиянием обстоятельств, более того, существует ли моральный предел для некоторых местных интеллектуалов, за которым обслуживание ею нужд власти может показаться неприемлемым? Увы, последний вопрос скорее риторический. Жизнь показывает, что этого предела нет для многих, в том числе и для некоторых из моих бывших друзей.

И все-таки я верю, что какие-то изменения в обществе произошли, что власти не всех удалось купить, зомбировать, подчинить своей воле, что путь к демократии и либерализму не вовсе обратим. Все это чрезвычайно важно, так как является залогом выживания в нынешних условиях таких хрупких образований, как современное искусство, новаторская литература и феминизм.

1. Здесь приводится отрывок из коллективного письма протеста против травли художников, участвовавших в выставке «Осторожно, религия», подписанного многими художниками, критиками и общественными деятелями (<http://www.owl.ru>).

2. Марина Любаскина имеет в виду статью Дмитрия Соколова-Митрича «Убить постмодерниста», которая включала в себя интервью с Иваном Охлобыстиным (отцом Иоанном), («Известия» 7 марта 2003 г.). В нем Охлобыстин заявляет: «Я не удивлюсь, если что-нибудь случится с организаторами выставки. И даже при всем терпении православных людей – я не уверен, что они будут скорбеть об этом». «Я бы на месте властей посадил бы их, причем максимально быстро. Потому что, если они останутся без наказанными, их здесь убьют».

3. При этом нашлось немало критиков и несколько представителей артинституций, которые нас поддержали, это прежде всего: художественный руководитель Государственного центра современного искусства Леонид Бажанов, директор Зверевского центра современного искусства Алексей Сосна, арткритик Александр Панов, художник и критик Никита Алексеев, которым я от лица художниц выражаю искреннюю благодарность.